

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

*Культурная политика
в СССР*

Под редакцией
ИРИНЫ ГЛУЩЕНКО,
ВИТАЛИЯ КУРЕННОГО

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2013

УДК 351.85
ББК 71.4(2)
В81

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
доктор исторических наук,
профессор РГГУ
ГАЛИНА ЗВЕРЕВА

Время, вперед! Культурная политика в СССР
В81 [Текст] / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 272 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1082-7 (в пер.).

Слова Маяковского «Время, вперед!» лучше любых политических лозунгов характеризуют атмосферу, в которой возникла советская культурная политика. Настоящее издание стремится заявить особую предметную и методологическую перспективу изучения советской культурной истории. Советское общество рассматривается как пространство радикального проектирования и экспериментирования в области культурной политики, которая была отнюдь не однородна, часто разнонаправленна, а иногда — хаотична и противоречива. Это уникальный исторический пример государственной управленческой интервенции в область культуры.

Авторы попытались оценить социальную жизнеспособность институтов, сформировавшихся в нашем обществе как благодаря, так и вопреки советской культурной политике, равно как и последствия слома и упадка некоторых из них.

Книга адресована широкому кругу читателей — культурологам, социологам, политологам, историкам и всем интересующимся советской историей и советской культурой.

УДК 351.85
ББК 71.4(2)

ISBN 978-5-7598-1082-7

© Составление. Глущенко И.В.,
Куренной В.А., 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

I. ИДЕОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

*ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ. СОВЕТСКИЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ СТРОИТЕЛЬСТВА
ИНСТИТУТОВ* 12

*РУСЛАН ХЕСТАНОВ. ЧЕМ СОБИРАЛАСЬ
УПРАВЛЯТЬ ПАРТИЯ, УЧРЕДИВ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР* 35

*БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ. СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
И ТРАДИЦИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ* 50

II. ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ

*ИРИНА ГЛУЩЕНКО. СОЛДАТ
КАК ЧИТАТЕЛЬ. ИССЛЕДОВАНИЕ
ЧИТАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ
КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В 1920 г.* 64

*ИГОРЬ ОРЛОВ. «БОЙЦЫ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФРОНТА»:
ПОДГОТОВКА ГИДОВ-
ПЕРЕВОДЧИКОВ В СССР* 81

*АННА ГАНЖА. «ЛЕГЕНДАРНОГО
ВРЕМЕНИ КРЕСТНИКИ»: РОЖДЕНИЕ
СОВЕТСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА
ИЗ РЕФЛЕКСИИ КОЛЛЕКТИВНОГО
ПОГРУЖЕНИЯ В ОБНОВЛЯЮЩУЮ
СТИХИЮ ТЕМПОРАЛЬНОГО* 95

III. НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА

ТИМОФЕЙ ДМИТРИЕВ.
«ЭТО НЕ АРМИЯ»: НАЦИОНАЛЬНОЕ
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР
В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНО-
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
(1920–1930-е ГОДЫ) 108

ФЕДОР СИНИЦЫН. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
И БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА
(1925–1946) 132

IV. НАУКА И ЖИЗНЬ

БОРИС СТЕПАНОВ. ИНЕРЦИЯ
РЕФОРМЫ: СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
1950–1960-х ГОДОВ
В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРИОДИКИ 148

РОМАН АБРАМОВ. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ
НАУКИ В СССР КАК ЭЛЕМЕНТ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 161

V. УЧРЕЖДЕНИЯ И ПРАКТИКИ

ЕЛЕНА ЮШКОВА. ВЛИЯНИЕ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СССР
НА ШКОЛУ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН
В 1920-е ГОДЫ 178

ВЕРА БЕРЕЗИНА. ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ
В ПЕТРОГРАДЕ — ЛЕНИНГРАДЕ
В ПЕРВОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЕ 197

*ЕЛИЗАВЕТА ЖДАНКОВА. ЧАСТНЫЕ
КИНОТЕАТРЫ В ГОДЫ НЭПА
КАК «СВОБОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО» 210*

*ГАЛИНА ГОНЧАРОВА. МАЛЬЧИКИ
НАЛЕВО, ДЕВОЧКИ НАПРАВО.
ПЕРИОД РАЗДЕЛЬНОГО
ОБУЧЕНИЯ В СССР 223*

*АЛИНА ВОЛЫНСКАЯ. ЦИРК
И ПОЛИТИКА В СССР (На примере
«Уголка дедушки Дурова») 235*

*МАРИЯ ВАГИНА.
ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ 1980 г.
КАК УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ 243*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*ИРИНА ГЛУЩЕНКО. ОСТОРОЖНО,
ВРЕМЯ ЗАМЕДЛЯЕТСЯ 260*

Предисловие

Настоящее издание объединено темой советской культурной политики. Такой выбор мотивирован как историко-культурными, так и актуальными проблемами нашей действительности.

В исторической перспективе тема культуры в СССР не обделена вниманием исследователей; ей посвящена почти необозримая литература. Однако оборотной стороной этого изобилия являются фрагментарность и избирательность. Научная и популярная литература интересуется преимущественно судьбой отдельных деятелей культуры и художников в советский период, а также некоторыми эстетическими явлениями — авангардом, формализмом и т.д. Описаны и определенные направления советской политики в области литературы, национального вопроса, науки, образования.

Данный сборник стремится заявить иную предметную и методологическую перспективу изучения советской культурной истории. Эта перспектива определяется тем, что советское общество рассматривается как пространство радикального проектирования и экспериментирования в области культурной политики.

Политический переворот, произошедший в обществе, отнюдь не привел к возникновению ожидаемого утопического порядка. И тем самым выявил потребность в реализации широкомасштабной управленческой политики в области культуры на всех уровнях — от элементарных поведенческих норм и установок человека до сфер высокой культуры (художественной, научной, образовательной). Классовые и политические противоречия распространились и на область культуры, наступление было объявлено теперь и на «культурном фронте». Напряжение на этом фронте нашло выражение даже в специфической форме темпорального конструктивизма в ранний советский период: слова Маяковского «Время, вперед!» лучше любых полити-

ческих лозунгов характеризуют атмосферу, в которой возникла советская культурная политика.

Задача реализации такой политики была программным образом заявлена после прихода к власти большевиков: определение «культурной революции» в качестве ключевого вопроса повестки дня формулируется уже Лениным. Эта политика была отнюдь не однородна, часто разнонаправленна, а иногда — хаотична и противоречива. Тем не менее мы имеем уникальный исторический пример властной и управленческой интервенции в область культуры, который может быть выделен в качестве самостоятельного предмета исследования и подвергнут изучению и анализу. Обращение к теме культурной политики (включая области знания и образования), организационных и управленческих стратегий позволяет, при одновременном внимании к фактическим результатам этих действий, методологически перевести разговор о таких понятиях, как «ментальность», «мифология», *homo soveticus* и т.п., в более определенную плоскость; задуматься о причинно-следственном взаимодействии, взвесить и оценить успех или провал различных подходов, использовавшихся в сфере культуры. Добавим также, что аналогичная проблематика стала объектом пристального внимания в современной западной исследовательской среде (достаточно назвать поздние работы Мишеля Фуко). В то же время сама уникальность советских экспериментов в области культурной политики (по меньшей мере по интенсивности и продолжительности) исключает простое заимствование готовых аналитических и методологических инструментов, требует их постоянной эмпирической проверки и коррекции.

Разумеется, в методологическом отношении в представленных здесь работах нет единообразия — эвристическая продуктивность различных подходов может быть опробована лишь на деле, да и учитывая то, что сборник подготовлен по результатам всерос-

сийской конференции, едва ли можно ожидать иного. Однако читатель без труда заметит, что мы — наряду с классическими историко-культурными подходами — стремились активно прибегать к дисциплинирующей определенности исторической семантики, приемам институционального и организационного анализа. Наша стратегия заключается также в движении от частных кейсов к обобщениям, а не в навязывании фактическому материалу общих теорий или тенденциозных концепций.

Советская культурная политика является, однако, не только и даже не столько предметом историко-научного интереса. Через 20 лет после исчезновения советского государства мы отчетливо можем оценить социальную жизнеспособность институтов, сформировавшихся в нашем обществе как благодаря, так и вопреки советской культурной политике, равно как и последствия слома и упадка некоторых из них.

Постоянно сталкиваясь с кругом актуальных экспертных задач в этой области, мы замечаем, что наше восприятие настоящего и возможные дальнейшие стратегии неотделимы от исторического понимания генеалогии существующего положения дел, оценки исторического опыта, который является неотъемлемым фактом нашей истории, а значит, и нашего будущего.

Разумеется, даже при рефлексивном обращении к историческому материалу мы сегодня оказываемся в пространстве напряженного столкновения ценностных и политических позиций. Однако в любом случае — даже если таких оценок крайне трудно избежать на авторском уровне — мы ставим во главу угла аналитическую и научно-профессиональную сторону этой работы. Это, как показывает и опыт подготовки настоящего сборника, далеко не просто.

Я благодарю своих коллег — Анну Ганжу, Ирину Глуценко, Тимофея Дмитриева, Илью Инишева, Олега Кильдюшова и Руслана Хестанова, чья работа в

рамках проекта Лаборатории исследований культуры на отделении культурологии НИУ ВШЭ в 2012 г. выстраивалась именно вокруг проблематики советской культурной политики, а также всех студентов и аспирантов, принимавших участие в наших семинарах¹. Всероссийская конференция «Культурная политика в СССР», которая прошла на отделении культурологии НИУ ВШЭ в декабре 2012 г.², стала продолжением этого проекта, а доклады ее участников легли в основу статей, составивших эту книгу.

Ряд статей для настоящего издания был также подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ — проект 2013 г. Лаборатории исследований культуры ЦФИ НИУ ВШЭ «Государственная политика и идеология в области культуры».

Виталий Куренной

¹ Проект 2012 г. Лаборатории исследований культуры Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Фундаментальные социокультурные структуры и процессы современности: Культурная система модерна и основные стратегии культурной политики в СССР».

² Конференция «Культурная политика в СССР» была проведена 20–21 декабря 2012 г. в партнерстве с Институтом глобализации и социальных движений (ИГСО).

I. Идеология культуры

ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

СОВЕТСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ СТРОИТЕЛЬСТВА ИНСТИТУТОВ¹

Советская история является уникальным случаем долгосрочного общественного эксперимента по строительству организационной и управленческой структуры, призванной радикально модифицировать поведение человека. Этот эксперимент имел как репрессивную, так и конструктивную часть. Репрессивная часть включала как политическую составляющую, определяемую марксистской формулой гражданской «классовой войны» и нацеленную на прямое уничтожение врага, так и социально-репрессивную практику «перековки».

Конструктивная часть была прямым следствием определенной логики, укорененной в комплексе идей Просвещения² (т.е. доисторицистского — как это ни парадоксально в случае «исторического материализма» — периода модерна) и имеющей несколько аспектов. Прежде всего она заключалась в предполагаемом по умолчанию нормативном цивилизующем значении образования (первоначально в элементарной форме грамотности) и рационального образа жизни (первоначально в элементарной форме гигиены).

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ — проект 2013 г. Лаборатории исследований культуры Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Государственная политика и идеология в области культуры».

² См. статью Б. Кагарлицкого в настоящем издании.

Однако эта внешняя сторона, быстро и необычайно эффективно получившая прямое выражение в соответствующих мерах большевиков уже на начальном этапе советской власти, имела под собой более фундаментальные основания — специфическую антропологическую модель (и соответствующую дискурсивную формацию), предполагавшую фактически безграничную пластичность любой формы «природы», включая человеческую, под воздействием внешней (социальной, организационной, базисной) среды. Эта предпосылка определяла в первую очередь советский публичный дискурс (фактически безотносительно к колебаниям политического курса), в рамках которого любые затруднения могли иметь лишь временный и преодолеваемый характер, а признание какого-то твердого, не поддающегося внешней манипуляции ядра (любого онтического характера) обрекало в конечном счете соответствующую позицию на критическую беззащитность перед доминирующим дискурсом. Работу этого дискурсивного механизма демонстрирует, например, случай академика Лысенко и множество других аналогичных проявлений подобной авангардистской логики³, достигавшей своей кульминации именно в вопросе о человеке и

³ См.: *Гаспаров Б.* Взгляды академика Т. Д. Лысенко в контексте позднего авангарда // *Логос.* 1999. № 11/12. С. 21–36. В отличие от Гаспарова мой тезис заключается в том, что линия конфликта пролегает здесь в первую очередь не по границе «органическое/механическое», а по линии «возможность контролируемого преобразования»/«невозможность (ограниченный характер) контролируемого преобразования». Так, в случае генетики в споре с Лысенко речь шла об ограничении возможности целенаправленного преобразования биологических существ генетическим фактором, который поддается только рекомбинации, но не модификации. Дело в том, что использование «механической» и «органической» метафор характерно для всего дискурса модерна, но является формой противопоставления двух эпистемологических позиций — каузальной (механическая) и телеологической (органическая), что в данном — советском — контексте

границах его воспитуемости⁴. В рамках этой дискурсивной формации единственной формой «твердой» реальности выступал только абстрактно постулируемый исторический процесс («историцизм» в смысле К. Поппера⁵), выстроенный согласно марксистской схеме или дополняемой *ad hoc* в тех вопросах, где доктрина обнаруживала лакуны⁶.

Тем не менее в этом вопросе советская история представляет собой далеко не гомогенное целое, причем с наибольшей интенсивностью коллизии обнару-

представляется лишь второстепенной формой аранжировки противоборствующих позиций.

⁴ Из выступления Н.И. Бухарина на I Педологическом съезде: «Мы отнюдь не стоим на точке зрения абстрактного равенства, абстрактных людей; это вздорная теория, которая вопиет к небу в силу своей беспомощности и противоречия фактам. Но мы держим курс на то, чтобы не было деления на народы неисторические и исторические... Молчаливой теоретической предпосылкой этого является то, что у вас (педологов) называется пластичностью организма, т.е. возможностью в короткий срок догнать, наверстать потерянное... Если бы мы стояли на той точке зрения, что расовые или национальные особенности настолько устойчивые величины, что изменять их нужно тысячелетиями, тогда, конечно, вся наша работа была бы абсурдной, потому что она строилась бы на песке...» (*Бухарин Н. Из речей Н.К. Крупской, Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского и Н.А. Семашко по основным вопросам педологии // На путях к новой школе. 1928. № 1. С. 11*).

⁵ *Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.*

⁶ Ср. заключительное выступление И.В. Сталина по национальному вопросу на X съезде РКП(б): «А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность — выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. *Нельзя идти против истории.* Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы» (Протоколы десятого съезда РКП(б). М.: Парт. изд-во, 1933. С. 216). Курсив мой. — В. К.

живаются здесь в самый тяжелый для большевиков период удержания власти и стабилизации политической системы. Большевики в ранние годы советской власти испытали очевидный шок от того, что реальный ход истории несколько не согласуется с прогнозами: ожидаемой пролетарской революции в развитых капиталистических странах так и не произошло. Не менее проблематичными оказались и перспективы дальнейшего коммунистического развития страны после решения задач захвата и удержания политической власти и ликвидации прямой военно-политической угрозы — новое коммунистическое общество никак не появлялось, несмотря на все шаги, предпринятые по переустройству экономического базиса и системы власти.

Необходимость быстро принимать решения в этой кризисной ситуации вызывает стремительное обновление и модификацию программы и языка большевистской партии, а в организационном плане порождает специфическую «бюрократическую какофонию», в частности, в отношениях партийных и государственных органов⁷. При этом осуществляется целый ряд быстрых антиавангардных шагов, дискурсивно оформляемых с помощью весьма аморфного понятия «культура»⁸. Это обнаруживается как в случае с прагматикой привлечения для руководства «буржуазных специалистов» (Ленин поднимает этот вопрос уже на съезде 1919 г.⁹), так и позднее в форме политики нэпа, определяемой как «стратегическое отступление» и поворот к «культурничеству». Это отступление затронуло также авангард в его буквальном — художественном —

⁷ David-Fox M. What Is Cultural Revolution? // The Russian Review. 1999. Vol. 58. P. 196.

⁸ Подробный анализ см. в статье Р. Хестанова в настоящем издании.

⁹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959.

I. Идеология культуры

смысле как специфическую форму исторического сознания, радикально нацеленного на перманентное обновление в будущем и отрицание исторического ракурса культуры («сбросить Пушкина с парохода современности»), что привело в конечном счете к свертыванию этой программы.

Можно сказать, что точка в этом вопросе была поставлена уже через несколько лет после революции: «Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»¹⁰. И хотя распространение этой дискурсивной формулы на художественный авангард с учреждающей вершины советского политического дискурса заняло определенный период, однако в рефлексивной исторической ретроспективе оно не является неожиданностью, тем более что соответствующие политические решения определялись именно через понятие «культура». Так, уже в 1919 г. В.И. Ленин на партийном съезде следующим образом формулирует проблему привлечения «буржуазных специалистов»: «У нас есть закаленность в борьбе, есть силы, единство, и мы должны идти путем организационной работы, используя знания и опыт этих специалистов. Это необходимое условие, без которого социализма построить нельзя. Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм»¹¹.

Максимальной интенсивности обращение к культуре достигает в процессе перехода к нэпу, что является главной темой как последних выступлений Ленина на

¹⁰ Ленин В.И. набросок резолюции о пролетарской культуре // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967 [1920]. С. 462. Эта записка Ленина была написана в 1920 г., но напечатана только в 1945 г.

¹¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. С. 20.

съезде РКП(б) в 1922 г.¹², так и ряда других ключевых выступлений и статей последних лет его жизни в целом. Можно сказать, что переход к нэпу был в конечном счете определен Лениным как поворот к культуре¹³, причем поворот, который я могу обозначить как

¹² Ср.: «Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет» (Протоколы одиннадцатого съезда РКП(б). М.: Парт. изд-во ЦК ВКП(б), 1936. С. 31).

¹³ Связь нэпа и культурной революции отмечается и в советских исследованиях, посвященных ленинской культурной политике, в частности в работах В.М. Межуева: «Нэп в этом смысле — органическая часть культурной революции, как она была задумана Лениным» (*Межуев В. Теория культурной революции как будущее // Ленин on line. 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине / под ред. А.В. Бузгалина, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2010 [Первая публикация: Межуев В. Ленинская теория социалистической культуры // Вопросы философии. 1967. № 4. С. 9–20]*). Историко-теоретическое обращение к проблеме культуры, в том числе и актуализация тематики культуры в работах Ленина, происходит в СССР в рамках специфически советского «поворота к культуре», начало которого связывают с докладом академика, члена ЦК КПСС Б.Н. Пономарева «Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории», где он, в частности, заявил: «Среди задач, которые перед нами стоят, следует отметить назревшую необходимость развития такой области исторической науки, как *история культуры*. До сих пор у нас существуют работы лишь по отдельным ее отраслям: литература, музыка, архитектура, изобразительное искусство, театр, кино. Этого теперь недостаточно. Нам нужны труды по истории культуры, в которых развитие всех ее составных частей рассматривалось бы в совокупности и взаимосвязи, как неотъемлемая часть общесторического процесса» (*Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории (Доклад на Всесоюзном совещании историков, происходившем в Москве 18–21 декабря 1962 г.) // Вестник Академии наук СССР. 1963. Вып. 2*). Позднесоветский обзор дискуссии о культуре см., в частности: *Вавилин Е., Фофанов В. Исторический материализм и кате-*

вынужденно консервативный, хотя и понимаемый как временная уступка. Этот поворот стал началом социально значимой советской «культурной революции» — если мы удерживаем себя в пределах методологической строгости подходов в рамках исторической семантики, т.е. соответствия фактической понятийной самоидентификации¹⁴. Совершенно отчетливо данный

гория культуры. Теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука, 1983. Несмотря на высокую плотность дискуссии о культуре в 1960–1980-х годах в СССР, специфика советского дискурса накладывает, на наш взгляд, определенные ограничения на использование этих материалов в настоящее время. Мы не склонны полностью игнорировать содержание этой дискуссии, преувеличивая ее несвободу или пропагандистский характер (который, впрочем, также нельзя отрицать), однако в любом случае советские авторы вынуждены были определять свою позицию внутри советского идейно-политического горизонта, что выразалось в том числе в преувеличенном противопоставлении ленинской идеи культурной революции и сталинской практики ее реализации. Такое противопоставление мы находим контекстуально объяснимым, но оно имеет гипертрофированный, преувеличенный характер, если исходить из современной аналитической перспективы, которая не связана ограниченным советским горизонтом, принуждающим обнаруживать существенные различия там, где их, на наш взгляд, попросту нет. С нашей точки зрения, подобные преувеличенные различия устанавливаются имплицитным переводом разговора в сослагательную плоскость в духе рассуждений «а как бы сам Ленин реализовал свой план, будь он жив».

¹⁴ Проблематика советской культурной революции подробно рассматривалась в работах западных историков, начиная со сборника под редакцией Ш. Фицпатрик (*Cultural Revolution in Russia, 1928–1931* / ed. by S. Fitzpatrick. Bloomington, In.: Indiana University Press, 1978). Краткий обзор основных трактовок и дискуссионных вопросов в рамках истории рассмотрения этого вопроса см.: *David-Fox M.* Op. cit. P. 181–201. В дискуссии между Фицпатрик и Дэвид-Фоксом (см. также: *Fitzpatrick S.* *Cultural Revolution Revisited* // *The Russian Review*. 1999. Vol. 58. P. 202–209) я занимаю срединную позицию. Фицпатрик связывает с понятием культурной революции довольно небольшой исторический промежуток, прежде

мотив обнаруживается уже в докладе Ленина «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» на II Всероссийском съезде политпросветов¹⁵. Нако-

всего политику по отношению к «выдвиженцам» и интенсификацию других аффирмативных культурных политик в эпоху «Великого перелома» (главным образом 1928–1931 гг.). Дэвид-Фокс, напротив, основываясь на методологии истории понятий (Begriffsgeschichte), понимает ее крайне широко и отслеживает ее начиная с появления в период между революциями 1905 и 1917 гг. культурно-ориентированной группы «Вперед» — группы так называемых левых большевиков, возглавляемых А.А. Богдановым. Эти позиции противостоят друг другу как анализ социально-значимой политики (и здесь, конечно, я готов согласиться с аргументами Фицпатрик против расширительного толкования, основанного на анализе словоупотребления как малозначительного, хотя и имеющего право на существование исследовательского подхода) и историко-семантический анализ дискурса (методологически вполне мной разделяемого), который, конечно, намного богаче и разнообразней социально и политически значимого их использования. Именно поэтому в данном исследовательском контексте я ориентируюсь на ключевые дискурсивные события — послереволюционные тексты Ленина, материалы съездов и т.д. Именно здесь понятийная инновация шла рука об руку (хотя, разумеется, и с отставанием по отношению к изменениям в дискурсе) с политическими и организационными решениями, значимыми для страны. В рассматриваемой нами области сталинская «культурная политика» представляется мне намного более когерентной по отношению к раннему периоду и в целом отвечавшей стратегической логике Ленина, намеченной в первые годы советской власти (временное отступление с последующим затем решительным наступлением на основе новой «культуры»). Разумеется, после этого за понятие «культурная политика» разворачивается необычайно интенсивная дискурсивная борьба (Троцкий и др.), которая, однако, заслуживает отдельного рассмотрения.

¹⁵ «При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. При ином уровне культуры можно было бы решить задачу прямее, — и, может быть, другие страны так ее и решат, когда придет время строения их коммунистических республик. Но мы прямым путем не можем решать вопрос» (*Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссий-

нец, эта артикуляция культурного поворота достигает своего апогея в статье «О кооперации» (где в языке Ленина и появляется термин «культурная революция»). Определяя приоритеты развития страны в терминах развития кооперации и «культурного торгашества», Ленин указывает: «...простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству»¹⁶.

Иными словами, культурная политика в ранний советский период выступает как крайне широкое поле приоритетной активности. Его значимость определяется тем, что именно в нем обнаруживаются временные препятствия, объясняющие в том числе «стратегическое отступление» большевистской партии от задачи непосредственного построения коммунизма. Эти препятствия, как мы бы сегодня сказали, связаны с качеством человеческого капитала и габитусными институтами (в некоторых исключительных случаях противопо-

ском съезде политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967 [1921]. С. 168). Именно этот доклад стал одним из излюбленных источником цитат о важности культуры в последующем советском публичном дискурсе.

¹⁶ Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967 [1923]. С. 369–377.

ставляемыми Лениным политике учреждений¹⁷), социально-экономическими и управленческими навыками поведения. Возникает требование институциональной¹⁸, а не только организационно-учрежденческой и политико-управленческой перестройки общества. Причем

¹⁷ Ср. из выступления Ленина на съезде 1922 г.: «А теперь в чем гвоздь? Этот гвоздь представляет собой — к чему бы я и хотел подвести и подытожить свой доклад — гвоздь не в политике, в смысле перемены направления; об этом говорят неизмеримо много в связи с нэпом. Все это говорят впустую. Это — вреднейшая болтовня. В связи с нэпом у нас принимаются возиться, переделывать учреждения, основывать новые учреждения. Это — вреднейшая болтовня. Мы пришли к тому, что гвоздь положения — в людях, в подборе людей. Это трудно усвоить революционеру, который привык бороться против мелких дел, против культурничанья, который вместо пересоздания учреждения выдвинул роль личности» (Протоколы одиннадцатого съезда РКП(б). С. 42–43). Довольно туманный смысл последней фразы, на мой взгляд, следует интерпретировать так: революционерам, привыкшим к решению организационных и политических вопросов, необходимо теперь обратиться как раз к «мелким делам», «культурничанью» и признать «роль личности».

Достаточные основания для такой интерпретации дает более внятная формулировка Ленина в докладе на II Всероссийском съезде политпросветов: «После решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи — задачи культурные, которые можно назвать маленькими делами. Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией... Задача подъема культуры — одна из самых очередных» (*Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов. С. 169).

¹⁸ Под институтами здесь и далее я понимаю габитуализированные практики поведения. О различии институтов и учреждений см.: *Куренной В.* Интеллектуалы // Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений / под ред. В. Куренного. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2006. С. 5–26. Это различие близко к более стандартному различию неформальных (институты) и формальных (учреждения и организации) институтов, хотя и не совпадает с ним.

I. Идеология культуры

окультурированию подлежат все уровни и социальные группы советского общества — от крестьян и различных «отсталых национальностей» до столичных управленцев-коммунистов. Речь идет о всеобъемлющей задаче формирования новой институциональной среды в ходе политики, обозначенной в конце концов как «культурная революция».

На этом основании широкомасштабное начало «культурной революции» в советском обществе я считаю возможным увязать с поворотом к нэпу¹⁹. Намного примечательней то, что несмотря на последующий отказ от политики нэпа, две первые советские пятилетки представляют собой сравнительно континуальное продолжение этой основной линии, определенной Лениным как первоочередная политическая задача. В публичном дискурсе есть также своего рода официальная дата завершения периода «культурной революции» — это XVIII съезд ВКП(б), подводящий итоги второй пятилетки и принявший программу на третий пятилетний план. В 1939 г. в отчетном докладе съезду Сталин объявляет: «С точки зрения культурного развития народа отчетный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь всеобщего обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции — такова общая картина культурного подъема народа»²⁰. В течение этого периода существовал ряд се-

¹⁹ Партийные комментаторы материалов съездов квалифицируют как решительный поворот к «подготовке культурной революции» только XIII съезд РКП(б) 1924 г. (Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. С. X), т.е. со значительным отставанием от соответствующего семантического сдвига в языке Ленина.

²⁰ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: ОГИЗ; Гос.

мантических обновлений понятия «культура» (перенос дискурса культуры на сталинский тезис об обострении «классовой войны» и т.д.), имевших существенные политические последствия (однако в данном случае я отвлекаюсь от этого аспекта).

Иными словами, период культурной революции в СССР — это период с 1921–1922 по 1939 г., когда ее цели были признаны достигнутыми. Объявление о завершении культурной революции в партийных документах открывало дорогу для последовавшей в послевоенный период рутинизации и продолжающейся бюрократизации работы на «культурном фронте», что и создало необходимые условия для того, что Р. Хестанов назвал «актом эмансипации культуры от идеологии»²¹, который завершился образованием в 1953 г. Министерства культуры СССР²². В ходе этого процесса происходит функциональное размежевание ведомственной сети

изд-во полит. лит-ры, 1939. С. 24. Сходную формулировку — в совершенном времени — содержит также принятая на съезде резолюция «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.)», основанная на докладе Молотова: «За годы второй пятилетки в СССР проведена настоящая культурная революция» (Там же. С. 650).

²¹ См. статью Р. Хестанова в настоящем издании.

²² Если говорить о реальных социально-значимых результатах культурной революции в сталинский период в аспекте повседневной культуры, то Фицпатрик выделяет сложившуюся в этот период систему из трех уровней культуры, выстроенных иерархически и специфицированных социально: 1) навыки элементарной гигиены и элементарной грамотности (нормативный уровень для крестьянства); 2) правила поведения за столом и в общественных местах, обращение с женщиной, знание основ коммунистической идеологии (рядовой городской житель); 3) «культура этикета» — хорошие манеры, правильная речь, опрятная и подобающая одежда, ориентация — хотя бы элементарная — в литературе, музыке, балете (уровень управленцев, «советской элиты»). См.: *Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. С. 99 и далее.*

I. Идеология культуры

учреждений культуры и содержательных функций от задач их ценностного и идеологического модерирования, вынесенных в партийные структуры²³. Начальный же период «культурной революции», напротив, представляет их прямое совмещение (прежде всего на персональном уровне, где руководители-лидеры выполняют гибридизированные партийно-идеологические и организационно-управленческие роли). Это совмещение — по мере нарастания комплексности задач — осуществляется также и на уровне организации, путем прямой имплементации органов партии в органы исполнительной власти. Лучшим примером этого является история Главполитпросвета («прямой аппарат партии в системе государственных органов»²⁴) — партийного органа Наркомпроса, образованного по итогам X съезда РКП(б) в 1921 г. Главполитпросвет просуществовал на протяжении 10 лет и бесспорно возглавлялся Н.К. Крупской — фигурой с безусловно большевистской лояльностью.

В позднесоветский период указанное разделение функций только углубляется. Административные органы управления культуры становятся все более массивными, создавая среду в том числе для формирования в это время все более активного запроса на научно-экспертное обследование сферы культуры²⁵ (феномен советской «социологии культуры»). Стоит отметить, что параллельно с этим процессом нейтрализации сферы учреждений культуры все более выраженным становится и позитивистский характер

²³ Тем самым, помимо прочего, были сформированы условия для прямых интервенций советских руководителей, прежде всего И.В. Сталина и Н.С. Хрущева, в сферу художественной политики.

²⁴ Протоколы десятого съезда РКП(б). С. 570.

²⁵ Очень масштабный сбор статистики по вопросам культурного потребления проводился, впрочем, начиная с первых лет существования советского общества — см. статью И. Глуценко в настоящем издании.

научно-экспертной и аналитической деятельности в этой области²⁶.

При этом партийный аппарат, выполняющий функцию идейного руководства, оказывается буквально завален вопросами, связанными с содержательным определением действия рутинизированной системы государственно-административных органов²⁷: «Аппарат ЦК КПСС в области культуры исполнял функции инициатора, руководителя, контролера и арбитра... Однако отдел культуры, секретари ЦК партии подчас занимались мельчайшими делами, которые относились к компетенции учреждений исполнительных органов власти или самих творческих союзов, например, обмен книг на макулатуру»²⁸.

Тем не менее — и этому посвящена последняя часть статьи — общая тенденция заключалась в том, что система организации учреждений культуры в позднесоветский период раздифференцировалась со сферой идейно-содержательного определения собственной деятельности, по умолчанию предоставляя эту ком-

²⁶ Здесь показательна, в частности, деятельность группы социологов культуры во главе с С.Н. Плотниковым (НИИ культуры Министерства культуры РСФСР), выступавших за широкомасштабные количественные исследования в этой сфере. Ср., например: Социология культуры. Вып. I / под ред. С.Н. Плотникова // Министерство культуры РСФСР. НИИ культуры. Тр. 9. М.: Советская Россия, 1974; Социология культуры. Проблема социальных показателей развития культуры. Сб. науч. тр. № 108 / под ред. С.Н. Плотникова. М.: НИИ культуры, 1982. Поле «социология культуры» в позднесоветский период не является однородным, в нем присутствуют различные группы и конфликты, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

²⁷ Весьма репрезентативное представление характера вопросов, с которыми работал высший партийный орган в это время, можно получить по продолжающейся серии публикаций соответствующих документов аппарата ЦК партии: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973–1978. Документы: в 2 т. / отв. сост. Т. Таванец. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2011.

²⁸ Там же. С. 6.

I. Идеология культуры

петенцию партийно-идеологической подсистеме советского общества, но одновременно разрастаясь как организационная структура. Можно предположить (и это предположение я считаю очевидным в данном контексте — в силу специфики бюрократических организаций как таковых), что следствием этого стала возможность существования и расширения обширной полутеневой зоны, в которой постепенно разворачивалась собственная содержательная культурная жизнь, не поддающаяся функционально-определенному контролю со стороны партийно-идеологических органов²⁹.

Чтобы обосновать этот тезис, используем здесь своего рода телеологический прием — не останавливаясь на анализе сложнейшей промежуточной истории, обратимся к конечной точке развития советской цивилизации, которая фиксирует исторически сложившееся состояние интересующей нас области и намечает долгосрочные планы на будущее. По счастью, в нашем распоряжении есть уникальный материал — наиболее фундаментальный экспертно-плановый документ, созданный на излете существования СССР, — «Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 годы»³⁰ (далее — КП), кото-

²⁹ Подобные теневые зоны были возможны даже внутри идеологического ядра СССР — в области философии. См., например, документальный фильм А. Архангельского «Отдел» (2010).

³⁰ Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 годы. Проблемный раздел 3.2. Социальные проблемы повышения народного благосостояния и развитие культуры (Для служебного пользования). М.: Академия наук СССР; Государственный комитет СССР по науке и образованию, 1983. В порядке справки (КП, с. 414–415) приведем список членов комиссии, занимавшейся подготовкой рассматриваемого здесь тома «Комплексной программы» (не включая рядовых составителей — их еще 69 человек): председатель — С.С. Шаталин, председатель — В.Ф. Майер, заместители председателя — Б.Г. Гребенников, Т.Н. Заслав-

рый должен был включать 60 томов. Программа не только представляет собой максимально экспертно-фундированный документ такого рода, созданный за все советское время, но и является последней долгосрочной программой развития СССР, подготовленной в позднесоветский период. Проблеме культуры в том наиболее определенном смысле, который сформировался в экспертном сообществе советских ученых, посвящен раздел «Развитие культуры» тома «Социальные проблемы повышения народного благосостояния и развитие культуры».

В преамбуле авторы раздела рисуют довольно драматичную картину культуры (комплексного гетерогенного предмета) и как объекта планирования и управления, и с точки зрения знания («информационной базы») о ней в советском обществе. Следствием этого является фрагментированный подход к культуре, которая «оценивается не во всех своих внутренних и внешних связях и отношениях — не как целостное образование, система, — но с помощью неполного ряда изолированных, часто плохо сопоставимых показателей, отнесенных лишь к отдельным “участкам” сферы культуры»³¹. Тем не менее, генерализуя различ-

ская, Н.М. Римашевская, В.М. Рутгайзер, Р.Я. Чайнов, ученые секретари — А.С. Бим, Т.Л. Клячко. Члены комиссии: Б.А. Бабин, Г.В. Бадиян, В.Е. Баскаков, И.В. Бестужев-Лада, А.Г. Вишневский, Л.А. Гордон, Б.А. Грушин, И.Б. Гутчин, Л.С. Дегтярь, И.Е. Дискин, А.М. Жданов, Ж.А. Зайончковская, В.Г. Зинин, Л.Г. Зубова, В.А. Калмык, К.К. Карташова, Э.В. Клопов, Т.И. Корягина, Т.А. Кудрина, М.С. Ланцев, И.Л. Лахман, Ю.А. Левада, И.Т. Левкин, Н.А. Нечипоренко, С.И. Никаноров, Л.В. Никифоров, А.В. Орлов, В.В. Пациорковский, С.Н. Плотников, Б.Б. Прохоров, С.С. Пчелинцев, В.З. Роговин, О.П. Саенко, А.А. Сергеев, А.И. Смирнов, Ю.У. Фохт-Бабушкин, А.И. Чухнов, Ю.Е. Шевяхов, В.А. Ядов, Г.А. Яременко.

К сожалению, авторы приведены общим списком, а не по разделам.

³¹ КП. С. 339.

1. Идеология культуры

ные подходы к анализу и, соответственно, управлению сферой культуры, Программа выделяет следующие возможные стратегии управления в этой сфере:

1) нормативная модель (основанная на расчете «рациональных норм потребления продуктов и услуг культуры населением» и «рациональном потребительском бюджете»);

2) модель «предпочтительного образца» (выделение групп населения, отличающихся некоторым совокупным «личностным потенциалом» — знания, трудовая и общественная активность, эстетический вкус и т.п. — и оцениваемых в качестве «желательного образца», в направлении которых должны двигаться другие социальные группы);

3) «историческая модель развития культуры» (выявление и прогностическая оценка реальных долгосрочных тенденций, наблюдаемых в обществе)³².

Составители программы выбирают именно третью стратегию, что, как показывает дальнейший текст документа, на деле оказывается совершенно нейтральной и вполне позитивистской аналитической процедурой. А именно аппроксимацией количественных тенденций в области «продуктов и услуг культуры» (т.е. основных единиц культурной продукции, фиксируемых организациями культуры, включая СМИ, — спектакли, фонды библиотек, телевидение и т.д.), бюджета досугового времени, затраченного населением на тот или иной вид потребления культуры (важнейший в данном документе показатель, соответствующий некоторым общим методологическим тенденциям в позднесоветской социологии), динамики капитальных затрат на сферу культуры. Иными словами, дается статистическая динамика изменения ряда основных количественных показателей (за период с 1960 г.), а затем она аппроксимируется на период до 2005 г. Таким образом, в экспертной сфере из-

³² КП. С. 340.

бирается сугубо нейтральный подход статистически фундированной аппроксимации, тогда как никакого эксплицитного идеологического или политического содержания данная программа попросту не имеет. Культура окончательно превращается в сеть организаций и учреждений, понимаемых в позднесоветский период как некая самостоятельная реальность, обнаруживающая собственную динамику, которую и следует изучать, а опираясь на изучение — планировать ее самостоятельное поведение. При этом впечатляет сам перечень типов этих организаций, позволяющий понять, что же представляет собой культура в позднем советском обществе (будучи уже ведомственно отделенной от сферы образования и науки). Таких «отраслей и подотраслей культуры» авторам удается — при максимальном уровне обобщения — выделить 16 видов, группируемых как виды культурного / медийного потребления и досугового времяпрепровождения³³:

- 1) чтение газет;
- 2) чтение журналов и книг;
- 3) просмотр телепередач;
- 4) прослушивание радиопередач;
- 5) посещение кино;
- 6) посещение театральных спектаклей;
- 7) посещение концертов;
- 8) посещение цирковых представлений;
- 9) посещение спортивных зрелищ;
- 10) посещение массовых мероприятий (лекций, тематических вечеров, вечеров отдыха и т.п.) клубов и других культурно-просветительных учреждений;
- 11) посещение музеев и выставок;
- 12) посещение парков;
- 13) любительские занятия (включая так называемую клубную деятельность);

³³ Там же. С. 341.

I. Идеология культуры

- 14) занятия во внеобщеобразовательных и непрофессиональных школах;
- 15) занятия физкультурой и спортом;
- 16) занятия туризмом, участие в экскурсиях.

Если резюмировать в этой части итог советского эксперимента по строительству учреждений (организаций) культуры, то следует сказать, что созданная система в ходе длительного процесса дифференциации функций после формального завершения культурной революции в конце 1930-х годов приобрела необычайно массивный и при этом нейтральный характер, подразумевающий вынесение содержательных элементов ценностного и идеологического свойства в экстерналиные аппараты партийно-идеологического руководства³⁴.

Следующий аспект рассматриваемого вопроса заключается в том, что, как отчетливо фиксируют авторы Программы 1983 г., данная сеть учреждений и организаций и подконтрольных им продуктов не совпадает полностью с самим предметом управления. Таковым в действительности является «культурная деятельность населения», понимаемая как «главный (конечный) объект целевого рассмотрения»³⁵, что «естественно» вытекает из исходного посыла программы: «...в центре

³⁴ В порядке актуального комментария можно заметить, что устранение последних в постсоветский период привело к тому, что сохранившиеся в силу институциональной инертности учреждения культуры (часть которых осталась на балансе властей разного уровня, тогда как другая или исчезла совсем, или модифицировалась в рыночной среде) потеряли всякую определенность и ориентиры в своей деятельности. С обобщенной точки зрения это выглядит как упадок культуры, а по факту является ситуацией крайней фрагментации этой сферы. Учреждения культуры потеряли свое предназначение, определявшееся и задававшееся внешним образом в советском государстве, и стали (если вообще стали) формировать новое спонтанным и хаотичным образом.

³⁵ КП. С. 346. Здесь и далее подчеркивание в оригинале. — В. К.

всей жизнедеятельности социалистического общества находится человек»³⁶. По отношению к «культурной деятельности населения», как говорится в документе, «деятельность многочисленных институтов культуры оценивается в качестве всего лишь необходимой предпосылки и важнейшего условия ее реализации. В то же время, с учетом общих принципов и существующей практики народнохозяйственного планирования и управления в сфере культуры, этот второй (“подчиненный”, “обеспечивающий”) элемент системы оказывается непосредственным (ближайшим) предметом программирования»³⁷.

Если перевести этот тезис на язык используемой в данной статье аналитической терминологии, здесь вполне понимается и понятийно артикулируется различие институтов (точнее, одного из аспектов институционального поведения, имплицитно ассоциированного с областью «культуры» («культурная деятельность населения») и учреждений и организаций, причем утверждается, что управленческое воздействие на первые («деятельность»³⁸) возможно лишь через вторые («многочисленные институты культуры» — в понятийном языке оригинала).

³⁶ Там же. С. 345.

³⁷ Там же. С. 346.

³⁸ Понятие «деятельность» оформляет множество разнообразных позднесоветских гуманитарных направлений — ср. «мыследеятельностный» подход Г.П. Щедровицкого и его последователей, работы Э. Маркаряна о культуре и т.д. В порядке рабочей гипотезы предположу, что аномально высокая популярность этого понятия связана с самобытной и интеллектуально-изолированной от западного контекста попыткой осуществить, в терминологии С. Холла, «структуралистскую» ориентацию, присущую в том числе классовому подходу марксизма, на «культуралистскую» парадигму, более ориентированную на агента, практики и т.д. (о различии этих двух парадигм см.: Холл С. Культурные исследования: две парадигмы // Логос. 2013. № 1. С. 157–183).

I. Идеология культуры

Таким образом, если резюмировать итог советского эксперимента по строительству институтов (в нашей аналитической терминологии), то можно сказать следующее. В ранний период советской власти *политика в области институтов* и *политика в области учреждений* рассматриваются — в частности, в языке Ленина — как альтернативные друг другу. В последней же фазе существования советского общества уровень учреждений воспринимается как неотменяемая данность и первичный в инструментальном смысле, хотя и подчиненный с точки зрения конечных целей объект управленческого воздействия.

При этом приводимые в документе статистические сведения (см. табл. 1) дают богатую пищу для размышления о том, насколько многолетние усилия в области культуры принесли плоды с точки зрения нормативно-просвещенческой установки советской власти³⁹.

В порядке комментария к данным цифрам говорится: «...несмотря на происшедшие сдвиги, участие людей в культуре остается в стране по-прежнему недостаточно развитым, испытывая серьезную конкуренцию со стороны видов деятельности, фигурирующих в последней строке таблицы и совпадающих по преимуществу с пассивным отдыхом, бессмысленным “убиванием” свободного времени, а также прямым участием людей в “антикультуре” (пьянство, антиобщественное поведение и т.п.)»⁴⁰.

Итак, задача культурной революции оказалась успешно массовым образом решена советской властью лишь в ряде областей (грамотность, образование, гигиена, построение национальных культур в рамках политики «положительной дискриминации» нерусских национальностей⁴¹). Однако в том, что ка-

³⁹ КП. С. 366.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ О некоторых аспектах истории этой политики см. статью Т. Дмитриева в настоящем издании.

ТАБЛИЦА 1. Объем и структура свободного времени в усредненные сутки (в расчете на душу населения)

Вид деятельности населения	В минутах		В %	
	Начало 1960-х гг.	Конец 1970-х гг.	Начало 1960-х гг.	Конец 1970-х гг.
Свободное время в целом	353,2	359,3	100,0	100,0
В том числе:				
заочная и вечерняя учеба, общественная работа	8,4	9,4	2,4	2,6
культурная деятельность	79,4	150,3	22,5	41,8
занятия с детьми	15,5	12,3	4,4	3,4
внесемейное общение	43,7	29,0	12,3	8,1
прочие виды деятельности, включая нераспределенное свободное время	206,2	158,3	58,4	44,1

сается окультуривания досуговых габитусных практик за пределами общения в семейном кругу и времени, проводимого с детьми, дела — по существующей статистике — обстоят далеко не блестящим образом в части борьбы с «антикультурой». Здесь стоит также добавить, что таблица построена таким образом, чтобы смягчить этот неудобный вывод. В частности, с учетом некоторых отечественных традиций весьма проблематично провести границу между «пьянством» и «внесемейным общением». Иными словами, «антикультура», «бессмысленная» растрата свободного времени продолжает доминировать в советской институциональной среде — несмотря на все усилия учреждений и организаций культуры. Характерный дискурсивный штрих: хотя политизированный язык периода собственно «культурной революции» в СССР остался далеко в прошлом, практики поведения, вы-

I. Идеология культуры

ходящие за пределы сетки культурно-досугового времяпрепровождения и его нормативно одобряемых форм (образование, «культурная деятельность», семья и дети), обозначаются термином «антикультура», коннотации которого — будь то в смысле политики или в смысле физики — указывают на непримиримое, так сказать, онтологическое противоречие, несовместимость и, следовательно, уничтожение.

Таким образом, несмотря на все усилия советской власти, в культурной революции она так и не смогла одержать решительной победы, проблему не удалось полностью решить с помощью организаций и учреждений.

© Куренной В., 2013

Конец ознакомительного фрагмента

Полный текст доступен на litres.ru

It's Time, Forward! Cultural Policy in the USSR [Text] / ed. by I. V. Glushchenko, V. A. Kurennoy; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2013. — 272 p. — (Cultural Studies). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1082-7 (hardcover).

Mayakovsky's words 'It's Time, Forward!' better than any political slogans, reflect the atmosphere in which Soviet cultural policy emerged. This book aims to declare a special preserve and methodological perspective for the study of Soviet cultural history. In it Soviet society is considered as a space of radical projecting and experimentation in cultural policy, which was far from homogeneous, often multidirectional, and sometimes chaotic and contradictory. It was a unique historic example of government intervention in the cultural sphere. The authors attempt to evaluate the social viability of institutions which formed in Russian society, both thanks to and in spite of Soviet cultural policy, and to assess the consequences of the decline and fall of some of those same institutions.

The book targets a wide audience, including culture researchers, sociologists, political scientists, historians, and anyone interested in Soviet history and culture.

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД! КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В СССР

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 05.11.2013. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 12,0
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. №1688. Заказ №